

- ⁴⁵ Remarks upon a scandalous book; The Clarendon-family Vindicated; *Atterbury F.* Bishop Atterbury's Vindication of Bp. Smallridge, Dr. Aldrich, and Himself... L., 1733; *Burton J.* The Genuineness of Lord Clarendon's History of the Rebellion printed in Oxford, vindicated. Mr. Oldmixon's Slander confuted. Oxford, 1744.
- ⁴⁶ Ibid. P. 5; The Clarendon-family Vindicated. P. 1–4.
- ⁴⁷ *Burton J.* The Genuineness of Lord Clarendon's History. P. 145–146.
- ⁴⁸ *Richardson R. C.* Op. cit. P. 47–48.

- ⁴⁹ The Clarendon-family Vindicated. P. 13–14. Также см.: *Atterbury F.* Op. cit.
- ⁵⁰ The Clarendon-family Vindicated. P. 23.
- ⁵¹ *Burton J.* The Genuineness of Lord Clarendon's History. P. 103–118.
- ⁵² *Johnson S.* Op. cit. P. 248.
- ⁵³ *Burton J.* The Genuineness of Lord Clarendon's History. P. 141–148.
- ⁵⁴ *Pocock J. G. A.* Barbarism and Religion. Vol. 2 : Narratives of Civil Government. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 172.

УДК 94 (4)

«КАЗАКИ» И АНТИРУССКАЯ НАПОЛЕОНОВСКАЯ ПРОПАГАНДА В 1814 ГОДУ

А. В. Гладышев

Саратовский государственный университет
E-mail: Gladav2002@mail.ru

В статье рассматривается один из эпизодов истории наполеоновской пропаганды – использование образа «казака-варвара» в антирусской риторике в ходе военной кампании 1814 г. во Франции.

Ключевые слова: Наполеон, кампания 1814 г. во Франции, антирусская пропаганда, казаки.

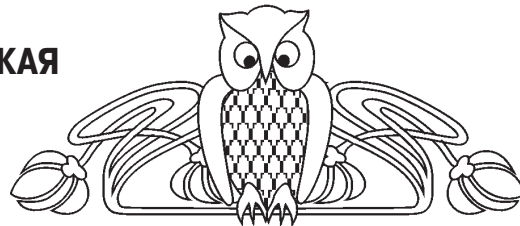
«Cossacks» and Anti-russian Napoleonic Propagation in 1814 year

A. V. Gladishev

In article is considered one of episodes of history of Napoleonic propagation – use of an image of «Cossack-barbarian» in the anti-Russian rhetoric during military campaign of 1814 in France.

Key words: Napoleon, campaign of 1814 in France, anti-Russian propagation, cossacks.

Первый консул, а потом император Наполеон был одним из первых государственных деятелей, не просто понимавших необходимость целенаправленного воздействия на общественное мнение, но и блестяще это осуществлявших. История использования Наполеоном пропаганды – яркий пример того, что в наполеонистике еще есть малоизученные области, утверждал не так давно Уэйн Хенли¹. Конечно, и у «малоисследованной» темы есть своя историография. О Наполеоне как о выдающемся «мастере по связям с общественностью» писал Холтман, акцентировавший личные усилия Бонапарта². По его мнению, талант Бонапарта, и как пропагандиста-организатора, и как пропагандиста – непосредственного исполнителя, особенно наглядно проявился в его взаимоотношениях с прессой³. С разных сторон проблемы манипулирования Наполеоном массовым сознанием касались Ж. Тюлар, А. Собуль, М. Рейнар. Но авторы, как правило, предпочитали писать

картину наполеоновской пропаганды вообще или, например, пропаганды в изобразительном искусстве, так сказать, широкими мазками, охватывая весь период Империи, а то и Революции. Таких детальных исследований, как У. Хенли о генезисе наполеоновской пропаганды, очень мало. Исследователи стремились создать батальные полотна «войны перьев», и до таких частных сюжетов, как образ казака в наполеоновской пропаганде зимы 1814 г., не доходили руки.

Военная кампания зимы 1814 г., как и предыдущие наполеоновские войны, сопровождалась активной пропагандой. Союзное командование выпускало и распространяло среди населения Франции различные прокламации, имеющие целью убедить обывателей в миролюбивости и умеренности их авторов. Наполеоновские власти старались всеми правдами и (главным образом) неправдами возбудить через прессу у населения ненависть к захватчикам.

В своей антирусской пропаганде, сопровождавшей зимнюю военную кампанию 1814 г., наполеоновское правительство особенно акцентировало тему «варварства», олицетворением которого должны были стать «казаки». Война с Россией представлялась как война цивилизованного мира и нецивилизованного.

При этом лекала, по которым в ходе зимней кампании кроился образ казака-дикаря и почти людоеда, были готовы уже к началу 1814 г., смутный, неосознанный архитипический страх перед нашествием «азиатов» или «варваров севера» уже поселился в душах французов. Именно на этом страхе и рассчитывал сыграть Наполеон, полагая, что французская нация «подвержена быстрому восприятию» и отличается «живым воображением и сильным выражением чувств». 4 января 1814 г. император писал своему министру иностранных

дел А. Коленкуру: «Опустошения казаков вооружат жителей и удвоят наши силы. Если нация последует за мной, враг погибнет»⁴.

О. Ф. Л. Мармон в своих мемуарах упоминал, что когда Наполеону доложили о том, что гражданское население Франции находится в бедственном положении из-за действий армий союзников, он ответил: «Это расстраивает вас?! Эх! В этом нет большого вреда! Когда крестьянин разорен, когда его дом сгорел, ему ничего не остается кроме как взять в руки ружье и идти сражаться». А вице-коннетабль Франции Л. А. Бертье писал Мормону от 12 февраля 1814 г., чтобы тот «повсюду, где останавливается», издавал прокламации, в которых бы сообщал об успехах французского оружия, а также о том, что «настало время народу подняться и напасть на врага, остановить казаков, взрывая мосты, перехватывая обозы, лишая их пищи»⁵. Наполеону казалось, что сопровождающее войну насилие оправдывает его надежды на патриотический подъем нации, 2 февраля из Пиней он писал тому же Коленкуру: «Вражеские войска повсюду ведут себя ужасно. Все жители укрылись в лесах. Враг у них все съедает и все забирает: лошадей, телеги, фураж, зерно и даже одежду. Их расстреливают, бьют, насилуют. Такие города, имевшие некогда население в 2000 человек, как Бриенн-ле-Шато, ныне не имеют ни одного жителя»⁶.

В официальной переписке Наполеона, в его декретах лексема «русские», как правило, соседствует с лексемой «казаки». Так, 21 февраля из своей генеральной штаб-квартиры в Ножан-сюр-Сен Наполеон примирительно писал императору Австрии, что армии Блюхера и Клейста уже разбиты, а война между французской и австрийской армиями не в их интересах. И далее, между прочим, но как о само собой разумеющемся, упоминается о населении Франции, которое «раздражено в высшей степени всяческого рода преступлениями, произведенными казаками и русскими»⁷. 26 февраля из Труа император писал Коленкуру, своему полномочному представителю на конгрессе в Шатильоне, что «всяческого рода зверства (atrocités), совершенные казаками и русскими», всколыхнули столицу, Париж вооружается, 200 000 человек взяли за оружие, этим вооруженным населением командуют 8 000 бывших офицеров и т. д.⁸ Вновь ни англичан, ни немцев... Только «русские и казаки». Император практически шантажирует казаками. 12 марта он пишет из Суассона своему брату Жозефу в Париж: «Вы мне пишете, как если бы мир зависел от меня, но я послал вам бумаги. Если парижане хотят видеть казаков, то потом они раскаются, но вы должны сказать им правду»⁹.

В преамбуле знаменитого декрета императора от 5 марта из Фима (Fimes) «русские и казаки» опять выделены особо: «В то время как население городов и деревень, возмущенное жестокостями, которые совершили над ними враги и особенно русские и казаки, из чувства национальной гордости взялось за оружие, чтобы останавливать

отряды врага, захватывать его конвои и вообще наносить ему максимально возможное зло, то во многих местах мэры или другие члены магистрата отговаривали население от этого»¹⁰.

Естественно, особая роль в антирусской пропаганде отводилась Наполеоном прессе.

26 февраля император писал из Труа министру внутренних дел графу Ж. – П. Монталиве: «Я не могу быть более счастливым, чем я уже есть, от того немногого, что было сделано для общественного духа. Оживить общественный дух можно ни стихами, ни одами, а фактами, простыми и правдивыми деталями. Это вещь для понимания достаточно простая. Я не хочу, чтобы парижские газеты обманывали общественность, достаточно только, чтобы они придали гласности факты о поведении врага. Нам нужно, чтобы города, которые были заняты врагом, послали своих представителей в Париж, чтобы они там сделали отчет об увиденном, о том, что происходило у них; нужно, чтобы при этом присутствовали писатели, которые обработали бы их рассказы. <...> Совокупность всех этих фактов вызовет ярость и негодование. Именно тогда каждый почувствует необходимость обороняться, если он не хочет увидеть свою жену и дочь изнасилованными, чтобы не быть избитым, ограбленным, чтобы не подвергнуть себя всяческим оскорблениям»¹¹.

Пресса же четко обслуживала пропагандистский замысел императора. «Journal de l'Empire» от 24 февраля 1814 г. сообщает новости из Шато-Тьерри: враг вступил в город и начались грабежи, которые не прекращались всю ночь с 12 на 13 февраля... Какой-то офицер пришел священнику на сутану погоны, а одного фармацевта, пытавшегося оказать сопротивление, так ударили прикладом, что он скончался. «Одна девочка была изнасилована четырьмя солдатами на глазах ее матери и затем брошена в канаву, где она осталась умирать»¹². Многие жители, наслышанные о русских и прусских солдатах, предпочли провести эту ночь в поле.

«Journal de l'Empire» от 28 февраля 1814 г. бодро повествует о том, как население «повсеместно вооружается» и готово бить врага при первой встрече. Более того, даже «заключенные рассматривают жандармов не как охранников, а как своих защитников»¹³. Тут же приводится пример, как под Шато-Тьерри местные национальные гвардейцы при поддержке гвардейского эскадрона обстреляли вражеских фуражиров, ранив несколько человек и пленив 12 казаков.

В этом же номере опубликован отчет о депутациях принятых парижской мэрией из следующих коммун департамента Сены: Монтро, Сезанн, Ножан-сюр-Сен, Провен и Шато-Тьерри.

Мэр города Монтро (Montereau) и его помощники сообщали о событиях, якобы имевших место в городе и его окрестностях. Речь шла о находящемся на русской службе принце Евгении Вюртембергском. Как писала газета, его офицеры

и солдаты «обрекали на опустошение одновременно и хижины, и дома, и даже замки. Грабежей, изнасилований и поджогов едва хватает, чтобы удовлетворить их ярость и гнев. Сестра священника Базоша (Bazoche), чтобы избежать жестокости со стороны одного казака, бросилась в пруд, где и утонула; наконец, господ, даже храмы не были пощажены». Жители были вынуждены покинуть свои дома и провести несколько ночей в лесу, несмотря на суровую погоду¹⁴.

Депутация из членов муниципального совета Сезанна поддержала интонацию коллег из Монтро: «4 февраля мы имели несчастье быть завоеванными 2000 казаков и 3 эскадронами пруссаков...» Реквизиция, за реквизицией, бесконечные требования, «одно экстравагантнее другого»... За время их четырехдневного пребывания город вынес столько, сколько не выносил за две недели присутствия 10 000 регулярных войск¹⁵.

Командующий национальной гвардией, мэр и несколько членов муниципального совета Ножан-сюр-Сен писали, что ночью 12 февраля враг вошел в город и находился в нем вплоть до 21 февраля, «когда мы были освобождены войсками Императора». Все это время город подвергался грабежу и разорению. Двери во всех домах выбиты, мебель изломана, зеркала разбиты. Жители вынуждены были прятаться в полях и лесах. «Среди многочисленных черт дикости, которые характеризуют эти орды варваров, мы отметим одну. Одна почтенная женщина 60 лет носила кольцо с бриллиантом. Бандиты, которые ее грабили, когда пытались снять этот перстень, то отрезали ей палец: женщина умерла от боли». Даже присутствие в городе императора России и короля Пруссии не остановило грабежи. Барклай де Толли 19 февраля опубликовал приказы, по которым грабежи очень строго наказывались, но и эта мера не возымела действия¹⁶. Донесение заканчивалось пассажем, призванным убедить парижан в безусловном варварстве врага и необходимости встать под знамена Императора: «В хмельном упоении от своих эфемерных успехов русские публично заявили о своем скорейшем вступлении в Париж и о своем намерении убрать прочь все драгоценные памятники – бессмертные трофеи наших побед, открыть Париж грабежу, увезти с собой женщин, чтобы заселить ими свои ужасные пустынные пространства, взорвать Тюильри, одним словом, превратить эту резиденцию искусств в груды руин»¹⁷.

Представила свой вариант описаний злодеяний врага депутация от Шато-Тьерри. «Они позволяли себе самый необузданный грабеж, акты варварства, которые вызывают ужас и негодование. Сначала они открыли тюрьмы, чтобы найти себе проводников из содержащихся здесь злодеев. Все жители, которые им встречались в этот момент, подвергались без различия пола и возраста грабежу и насилию. Аптеки были не только ограблены, но и разорены: сосуды были

разбиты, лекарства перемешаны и выброшены на улицу, без сомнения, для того, чтобы лишить помощи наших больных и раненых». Взломали двери местного колледжа, ударили копьем в грудь его директора, ворвались в дом для престарелых и душевнобольных, безумных раздели, и одна пациентка стала объектом их брутальности. Одну пожилую женщину изнасиловали на теле ее убитого накануне мужа, другую молодую девушку после изнасилования проткнули пикой, и на следующий день она скончалась, третью после группового изнасилования бросили в шлюз, четвертая тщетно искала себе убежища и защиты в церкви. Двери церкви были выбиты топорами и все разграблено. Несчастный пастор, который несколько лет жил в Москве и мог общаться «с этими монстрами на их языке», не смог ничего поделать. Нескольких детей они хотели захватить с собой, чтобы вывезти их в Россию, но, к счастью, тем удалось сбежать. В нескольких домах остались следы попыток поджога, а несколько ферм на пути их движения были действительно преданы огню, несколько человек убиты, а несколько захвачены, чтобы служить проводниками. «Таким образом, ни пол, ни возраст, ни больницы, ни замки, ни церкви, ни школы, ни сан священника, – ничто не могло быть защитой от их ярости; эти хитроумные разбойники, вступив к нам со словами мира на устах, с обещаниями строгой дисциплины, безопасности личности и сохранности собственности, подвергли нас грабежам, убийствам и поджогам»¹⁸.

Настала очередь депутации из Провена (Provins)... Этот город был занят частями союзников с 13 по 18 февраля. В первый же вечер оккупанты затребовали множество вина и водки. На следующий день начались реквизиции материи, табака, сахара, железа, лошадей и т. д. Все это время русские солдаты, казаки, башкиры, калмыки стояли лагерем в городе и его округе, грабя магазины и жителей: «варвары...»¹⁹ Самая тяжелая была ночь с 17 на 18 февраля – перед отступлением вражеского арьергарда из города. Ограбили, выломав окна и двери, около четверти домов в городе. Повсюду сеяли запустение и разорение, город только чудом избежал поджога, которым угрожали отступавшие. «Эти варвары способны на любые эксцессы: мы видели, как среди бела дня с граждан снимали их одежду; один почтенный старик, подвергшийся нападению казаков, остался в буквальном смысле голый на ступенях своего разграбленного замка. Они опустошили и разграбили деревни, фермы, замки, загородные дома, забрали с собой почти всех лошадей, повозки, крупный рогатый скот, зерновые и кормовые; разрушены либо сожжены не только отдельные фермы или дома, но и целые деревни в долине Сены»²⁰.

В номере от 4 марта 1814 г. «Journal de l'Empire» вновь описывает на двух страницах различные случаи насилия русских над местным населением и среди прочих возвращается к Про-

вену. К вышеизложенному в номере от 28 февраля добавлялось, что в ночь с 13 на 14 февраля в Провене пять казаков силой ворвались в дом к вдове бакалейщика. Они оставались в доме с 10 вечера, до 5 утра. Она защищала от них свое целомудрие в течение 7 часов: «ей стоило больших усилий ускользнуть из их рук»²¹. Счастливым спаслась даже ее дочь 14 лет. Правда, найдя портрет покойного мужа, казаки нанесли по нему несколько удар кулаками, ну и, конечно, «дом был полностью разграблен». Но в том же Провене не всем женщинам удалось избежать насилия. В другом доме 12 казаков ворвались к 48-летней женщине (имя в этом случае не называется), повалили ее на землю, зажали рот рукой и «удовлетворили свою брутальность». Затем насильно напоили ее водкой, избили, а дом ограбили. Другие 5 казаков ворвались в дом мясника, его жена пыталась забаррикадироваться в магазине, но дверь была выбита, а сама женщина получила пару ударов прикладом в живот²².

Помимо «новостей из коммун» и «адресов делегаций» «Journal de l'Empire» практиковал публикацию анонимных «писем из армии». В одном из таких писем, опубликованном в номере от 4 марта 1814 г., говорилось о событиях в Труа. «Русские <...> сеяли повсюду опустошение и террор», казаки сжигали фермы и посева, «я знаю, – уверял автор этого письма, – из уст жертв, что русские офицеры постоянно стояли во главе грабительских экспедиций своих подчиненных, забирая все лучшее себе»²³.

Кажется, уже и грехов то не осталось, в которых еще можно было бы обвинить неприятеля... «Journal de l'Empire» от 6 марта 1814 открывался описаниями, имевших якобы место насилий над французскими священниками. Утверждалось, что в Пон-сюр-Йон 2 марта «враг обращался с населением кантона самым варварским способом»... Местный священник 73 лет стал первой жертвой свирепой жадности русских. Они разорили его кабинет, испортили мебель, одежду; «ярость монстров дошла до того, что они ему нанесли несколько ударов саблей плашмя». Затем приставили саблю к горлу и стали требовать, чтобы он назвал место, где прятал свои деньги...

Еще более печальные события, продолжает газета, произошли со священником Базошем (Bazoche). «Русские солдаты посягали на целомудрие его племянницы, и он пытался оказать им самое решительное сопротивление, но четверо из бандитов посадили его на лошадь и повезли в поле, чтобы расстрелять. К счастью, ему удалось ускользнуть от них и вернуться домой окружной дорогой. Но племянницу свою он там не обнаружил. Когда он зашел в сад, ужасная картина открылась его глазам. Племянница лежала в яме, куда она бросилась, чтобы спастись от бандитов»²⁴.

Тот же выпуск сообщает о разграблении Суассона: «Несмотря на прокламацию Винцен-

героде²⁵, в которой он обещал жителям личную безопасность и сохранность их имуществ, большая часть домов была опустошена», а «одним из первых действий властей, которые называют себя нашими освободителями, было предоставить свободу заключенным в тюрьме злоумышленникам. Русские увозят с собой мужчин, способных носить оружие, возможно, чтобы увеличить число своих казаков; они также забрали с собой заключенных в тюрьме женщин, пренебрегая болезнями, которыми те болели»²⁶. Повсюду, уверяла газета, «где побывали русские, жители единодушно выражают одно чувство: смерть предпочтительнее игу этих иностранцев»²⁷.

Номер «Journal de l'Empire» от 8 марта опять содержит сообщение из муниципалитета Сезанна: «на повестке дня – воровство, насилие, жестокое обращение». Многие умерли «от ужаса и зла, что они испытали на себе». В том числе и несколько женщин – «жертв их звериной жестокости». Разграблены три фабурга, жители изгнаны из своих домов, а мебель пущена на костры биваков этих «диких обитателей севера»²⁸.

«Journal de l'Empire» от 20 марта 1814 г. поместил отрывок из рапорта аудитора из Монмираля на имя министра внутренних дел о событиях в этом городе 25 февраля. Сообщается, что войдя в город 25 февраля, казаки не покидали его до 12 марта²⁹. 6 марта «атаман» вообще приказал город разграбить из-за того, что семерых казаков, удалившихся накануне на некоторое расстояние от города, посмели обстрелять местные жители, убив при этом одного из них. В результате Монмираль пережил все те ужасы, которые испытывает город, когда его берут приступом. «Не убереглись ни девочки, ни даже женщины старше 70 лет: варвары до того дошли в своей бесстыдной дикости, что удовлетворили свою брутальность прямо по середине улицы». Разграбили не только город, но и близлежащий замок. Автор уверял, что в его ушах еще слышны крики женщин и детей, смешанные с диким смехом и рыком казаков, и перо просто отказывается описывать все те ужасы, что он успел увидеть перед тем как «покинул город»³⁰.

В духе «Journal de l'Empire» писали свои доносения и военные чины. Морис-Анри Вейль привел в своей книге некоторые из них. Так, Мармон писал из Сезанна 23 февраля 1814 г.: «Некоторые отряды казаков дошли до Крезанси (Crézancy) и Паруа (Paroy), где они совершили чудовищные бесчинства». Отправившийся сюда с 200 гвардейцами почетного караула генерал Винсент опоздал: казаки села уже сожгли. Тогда он изложил в письме 24 февраля из Шато-Тьери военному министру ставшие ему известными сведения (основанные на рассказах местных жителей) о набеге на этот район казаков: они расправились с семьей начальника почты и одновременно мэра деревни. Самого мэра они зарубили и труп привязали к дереву, а его только что родившую жену в ярости пытались

сжечь вместе с ребенком, который лишь чудом спасся: «Нет такой низости, на которую они были бы неспособны», – заключает генерал³¹.

Своеобразной квинтэссенцией обвинений казаков стала анонимная «Историческая картина преступлений, совершенных казаками во Франции»³². Издана она была, по всей видимости, в Париже в марте 1814 г. и призвана воодушевить французов на сопротивление врагу. Перечисляются уже известные нам по публикациям в «Journal de l'Empire» «события» в Монтро, Сезанне, Ножан-сюр-Сене, Провене, Труа, Пон-сюр-Йоне и др. городках и коммунах. В эту компиляцию газетных страшилок вошли и донесения генерала Винсента о случившемся с семьей начальника почты в Крезанси, а также другие печатные примеры грабежей и насилий, чинимыми казаками в Вьёмеzone, Гатинэ, Суппе, Жуани, Брай-сюр-Сен, Эверли, Пасси, Сен-Сovere... Естественно, что анонимный составитель этой агитки ни словом не обмолвился, что главным источником его информации были газетные публикации: всё преподносится как неопровержимые факты. В заключение сообщалось, что офицеры союзнических армий только с одной целью стремятся вступить в Париж – чтобы «жечь, разрушать памятники и похищать французских женщин, дабы пополнить население пустынных регионов России»³³, в связи с чем выражалась надежда, что «августейший император» вскорости освободит Францию от этих «северных монстров».

Но цена таких «свидетельств» станет более прозрачной, если мы выясним, как они появлялись на свет, каков был механизм подготовки «адресов» муниципальных делегаций. Пример тому – история с взятием русскими Немура.

«Journal de l'Empire» от 24 февраля 1814 г. сообщал о поступивших 21 февраля из Немура новостях: 6 тысяч казаков Платова заняли наш город, и горожане познали «все виды насилия». При обороне Немура казакам противостояли «240 человек во главе с майором». Когда город захватили, то «майора привязали к телеге и возили по всему городу, осыпая солдатскими оскорблениями. Эти презренные атакуют только, когда их тридцать против одного. Они боятся наших крестьян <...> К счастью мы освобождены от этих варваров»³⁴. Но как в мемуарах, так и в муниципальных архивных документах мы находим свидетельства совершенно иного рода, проливающие свет на механизм подготовки антирусских публикаций в официальной прессе.

Когда 15 февраля отряд Платова подошел к Немуру, ему, действительно, было оказано сопротивление. Гарнизон Немура – около 480 человек, из которых 20 были артиллеристами, 300 – учениками военной школы из Фонтенбло, а 150 – национальными гвардейцами, плохо вооруженными и не имеющими даже униформы, а также с десятков жандармов и четыре пушки. Командующий отказался сдать город, сослав-

шись на имеющийся у него от начальства приказ защищаться. Полтретьего по полудни русские начали артиллерийский обстрел из семи орудий, но гарнизону удалось сдержать появившиеся казачий и венгерский отряды на подступах к городу. Французы имели не более 20 патронов на ружье, испытывали нехватку снарядов. Ночью артиллерийский обстрел возобновился и продолжался до 5 вечера. К тому времени французы потеряли почти всех артиллеристов и три пушки из четырех были выведены из строя. Последним выстрелом из русского орудия был убит офицер Дагрон (Dagron), командовавший национальными гвардейцами: он довольно беззаботно прохаживался по улице со стаканчиком водки в руке, когда русское ядро оторвало ему голову. После этого командующий гарнизоном решил капитулировать. Мэр же города, ссылаясь на репутацию Платова как «благородного человека», испросил у него гарантий на безопасность жизни и имущества граждан. Русский генерал такие гарантии дал, после чего в город вошел усиленный казачий пикет, а за ним и венгерские гусары, которые прикрепили к своим головным уборам зеленые веточки, символизирующие по австрийскому обычаю победу. Следом за ними в город вошел еще один казачий отряд с самим Платовым во главе. Специально занимавшийся исследованием этого вопроса А. Ж. Дюмениль подчеркивает дисциплинированность казаков Платова. По его свидетельству, верный своему обещанию Платов строго следил за дисциплиной: «никаких осквернений жилищ, никакого грабежа не было». Жителям было приказано сдать все имеющее у них оружие. На город наложена контрибуция серебром, произведены реквизиции водки, сыромятной кожи, сукна, холстины, соломы, овса и сена для 10 000 лошадей. «Но за исключением части фуража, хлеба, мяса, вина и водки, необходимых для пропитания войск в течении трех дней, больше никаких реквизиций не проводилось». Разве что самому мэру, который был торговцем тканями, пришлось расстаться по просьбе венгерского офицера с несколькими штуками голубого и серого сукна. Даже взятый в плен гарнизон города не испытывал со стороны русских никаких притеснений и насилия³⁵.

После того, как части Платова оставили Немур, сюда 19 февраля прибыла кавалерия французского генерала Алликса (Allix). Мэру города гражданину Дорэ (Doré) было приказано вновь собрать распущенную казаками Платова национальную гвардию, починить городские ворота, разрушенные ядрами русских, и защищать город. Ворота починить было можно, но, как защищать город, не имея оружия, осталось непоясненным. Через два дня Алликс перенес свою штаб-квартиру в близлежащую Феррьерэ и писал оттуда мэру Немура, чтобы он по возможности арестовывал дезертиров и отправлял их в Фонтенбло, а в Париж бы отправил делегацию

пылких патриотов с адресами муниципалитету Парижа и префекту Сены, в которых бы содержался подробный перечень бесчинств, сотворенных казаками в городе. Подобные адреса должны были бы убедить парижан, что русские хотят отомстить за Москву и сжечь столицу Франции, а женщин и девушек угнать в Россию, чтобы заселять там ими пустынные пространства³⁶. Аналогичные распоряжения получил и мэр Монтаржи. Адреса от коммун предполагалось публиковать в «Journal de l'Empire»: «население должно знать преступные планы своих врагов»³⁷.

«Новости из Немура» были напечатаны в номере от 24 февраля. Но от мэра Немура, не торопившегося включиться в антирусскую пропагандистскую компанию, ждали гораздо больше: министр внутренних дел в письме от 28 февраля предписывал мэру Немура «незамедлительно» отправить делегацию в Париж с адресами, на которых настаивал Алликс. Писал мэру Немура и его коллега из Монтаржи, все же составивший требуемый от него адрес. Но ответ из Немура был неожиданен: «Я француз в полном смысле этого слова, я страстно люблю свою страну и восхищаюсь главой нашей империи, но это не заставит меня изменить истине». В конце своего ответа Дорэ, которому Платов жал руку, написал, что адрес, конечно, прислать можно, но содержание его будет сильно отличаться от того, что хотел бы генерал Алликс³⁸.

Об успешности и эффективности наполеоновской пропагандистской машины в историографии есть разные мнения, хотя историки в целом согласны отдать ей должное. Но когда речь идет о зиме 1814 г., мы видим, что эта машина дала сбой: наполеоновские усилия по экзальтации общественного духа, возбуждению патриотического подъема оказались тщетны. Тактика запугивания казаками, если и имела какие-то последствия, то они явно не удовлетворяли самого императора. Но, с другой стороны, эта пропаганда имела более «долгоиграющий» эффект.

Еще Бурьенн писал, что официальные наполеоновские известия «почти всегда были изменяемы: ложь находилась как в объявлениях о победах, так и в изложении неудач и потерь. История, написанная единственно на основе бюллетеней, переписки и официальных актов того времени, действительно была бы не чем иным, как романом». Между тем, эта пропагандистская картина злодеяний казаков вошла во французскую историографическую мифологию. Отредактированный Э. Лависсом и А. Рамбо А. Уссэ (Гуссэ) повествует читателям о непереносимых ужасах, которые следовали за вступлением войск союзников в какой-нибудь французский город или коммуну. Только если Наполеон предпочитал писать о зверствах «казаков и русских», то А. Гуссэ – о зверствах «казаков и пруссаков»: «Они не только искали добычи; им было по душе сеять скорбь, отчаяние, разорение»³⁹.

Примечания

- ¹ Hanley W. The Genesis of Napoleonic Propaganda, 1796 to 1799. Columbia University Press, 2005. URL: <http://www.gutenberg-e.org/haw01/frames/fhawack.html> (дата обращения: 30.09.2013). О том же пишет, в сущности, и Д. М. Туган-Барановский: «Но в огромной литературе остались в тени, на мой взгляд, весьма существенные вопросы: какими способами Наполеон достигал политического успеха и какое место в достижении этого успеха он отводил общественному мнению?». См.: Туган-Барановский Д. М. «Лошадь, которую я пытался обуздать» (печать при Наполеоне) // Новая и Новейшая история. 1995. № 3.
- ² Holtman R. Napoleonic Propaganda. Baton Rouge, 1950. P. 61–62. См. также работу А. Перивье, который полагал, что Наполеон блестяще совмещал в себе журналиста-организатора и журналиста-писателя: Périvier A. Napoléon journaliste. P., 1918.
- ³ По истории прессы в наполеоновской Франции и наполеоновской пропаганды вообще см., например: Welschinger H. La Censure sous le premier empire. P., 1887; Leith J. A. The Idea of Art as Propaganda in France, 1750–1799. Toronto, 1965; Durand Ch. Quelques idées de Napoléon sur le régime de la presse // Société belge d'études napoléoniennes. 1969. № 69. P. 17–25; Bellanger C., Godechot J, Guiral P., Terrou F. Histoire générale de la presse française. Vol. 1 : Des origines à 1814. P., 1969; Boime A. Art in the Age of Bonapartism, 1800–1815. Chicago, 1990; Harlow F. T. The Art of Propaganda // Consortium on Revolutionary Europe, 1750–1850 : Proceedings. 1994. T. 24. P. 297–303; Burrows S. French Exile Journalism and European Politics, 1792–1814. L., 2001; Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне I // Собрание сочинений : в 12 т. М., 1958. Т. 4; Беглов С. И. Наполеоновская пропаганда – орудие диктатуры и экспансии победившей буржуазии // Внешнеполитическая пропаганда. Очерк теории и практики. М., 1981. С. 236–242; Сироткин В. Г. Официозная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804–1815 гг. // Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. М., 1987. С. 222–243; Сироткин В. Г. Наполеон и Александр I. М., 2003.
- ⁴ Correspondance de Napoléon I-er publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. T. 27 : 1-er janvier 1814–26 février 1815. P., 1869. P. 10.
- ⁵ Mémoires du marechal Marmont duc de Raguse de 1792 a 1841 : Imprimés sur le manuscrit original de l'auteur. 9 v. P., 1857. T. 6. P. 188–189.
- ⁶ 1814 autour de Montmirail. URL: <http://www.lesbatailles.com/page1/page1.html> (дата обращения: 30.09.2013).
- ⁷ Correspondance de Napoléon I... T. 27. P. 224–225.
- ⁸ Ibid. P. 252.
- ⁹ Correspondance de Napoléon... T. 27. P. 305. Когда союзники встали уже под стенами Парижа, очередной бюллетень Наполеона в этой связи гласил: «Присутствие императора с войском у ворот Парижа воспрепятствует неприятелю предаться обыкновенным своим неистовствам (курсив мой. – А. Г.) в сем многолюдном городе, в котором он не может держаться без величайшей для него опасности». Цит. по: Сын Отечества. 1814. № XXXVII. С. 202.

- ¹⁰ Correspondance de Napoléon... Т. 27: 1-er janvier 1814–26 février 1815. P., 1869. P. 290.
- ¹¹ Ibid. P. 245–246.
- ¹² Journal de l'Empire. 1814. 24 février. P. 2.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Ibid. 28 février. P. 3.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. P. 4.
- ¹⁹ Ibid. P. 3.
- ²⁰ Ibid. Шарль-Теодор Бовэ в своей многотомной истории войн описывает возвращение французами Провена практически в тех же интонациях: «Французская кавалерия слишком устала, чтобы преследовать отступавших, арьергард Витгенштейна остался в Провене и его окрестностях. Ночь была губительна для местных обитателей, ставших жертвами грабежа и испытывавших шок от двух армейских корпусов. На следующий день французский авангард герцога Реджо опрокинул вражеский арьергард и выступил на Ножан». См.: *Beauvais Ch.-Th. Victoires, conquêtes, désastres, revers et guerres civiles.* P., 1821. Т. 23. P. 120.
- ²¹ Journal de l'Empire. 1814. 28 février. P. 3.
- ²² Ibid. 4 mars. P. 2.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ibid. 6 mars. P. 1. Ср. с информацией о священнике Базоше и его бросившейся в пруд «сестре» в номере от 28 февраля.
- ²⁵ Федор Федорович Винцингероде (1770–1818), генерал от кавалерии. В 1814 г. находился в Силезской армии Г. Л. Блюхера. Принял капитуляцию Суассона.
- ²⁶ Journal de l'Empire. 1814. 6 mars. P. 1.
- ²⁷ Ibid. P. 2.
- ²⁸ Ibid. 8 mars. P. 2.
- ²⁹ 2–3 марта здесь останавливался отряд Ф. К. Теттенборна в 2–3 тыс. казаков.
- ³⁰ Journal de l'Empire. 1814. 20 mars. P. 3.
- ³¹ *Weil M.-H. La campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne : la cavalerie des armées alliées pendant la campagne de 1814.* 2 т. P., 1891–1892.
- ³² *Tableau historique des atrocités commises par les Cosaques en France.* URL: http://fr.wikisource.org/wiki/Tableauhistorique_des_atrocites_commises_par_les_Cosaques_en_France (дата обращения: 30.09.2013).
- ³³ Это перефраз из донесения депутации из Ножан-сюр-Сен. См.: Journal de l'Empire. 1814. 28 février. P. 3.
- ³⁴ Journal de l'Empire. 1814. 24 février. P. 2.
- ³⁵ *Dumesnil A. J. Les Cosaques dans le Gatinais en 1814.* Paris, 1880. P. 46–47.
- ³⁶ Ibid. P. 50–51.
- ³⁷ Ibid. P. 51.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ *Гуссэ А. Кампания во Франции и крушение империи // История XIX века : в 9 т. / под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. М., 1938. Т. 2, ч. 2. С. 329–331.*

УДК 614–053.2(09)(410)-18

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ, ЗАНЯТЫХ В ФАБРИЧНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ АНГЛИИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Е. С. Демченко

Саратовский государственный университет
E-mail: musienko_ks_89@mail.ru

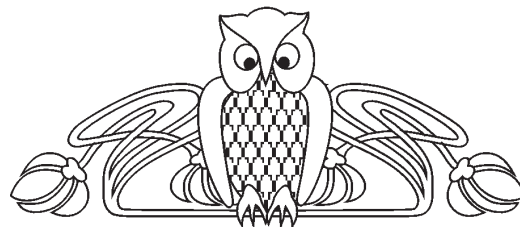
Данная статья рассматривает такой аспект фабричного производства, как здоровье детей, нанятых на работу. По средствам анализа отчетов медиков и парламентских комиссий касательно вопроса санитарных условий на фабриках автор приходит к выводу о том, что говорить о большом влиянии фабрик на здоровье детей нет оснований, а деформации скелета встречаются реже.

Ключевые слова: детский труд, промышленная революция, парламентская комиссия, медицинские отчеты, санитарные условия, фабричное законодательство, деформации скелета, смертность.

Health of Children Employed in a Factory Production of England in Second Quarter of the XIX Century

E. S. Demchenko

This article examines such aspect of factory production, as the health of children employed on the factories. By means of analysis medical

reports and reports of parliamentary committees concerning the question of sanitary conditions in the factories, the author comes to the conclusion that the opinion is exaggerated about the bad influence on health children who employed on the factories, and skeletal deformities are less common among them.

Key words: child labor, industrial revolution, parliamentary commission, medical records, health conditions factory legislation, skeletal deformities, mortality.

Промышленный переворот начался в Англии во второй половине XVIII в. в легкой промышленности и в дальнейшем распространился на другие отрасли. Машинное производство появилось не в старой и хорошо развитой шерстяной промышленности, а в новой хлопчатобумажной, развитию которой не мешали традиции организации производства. Все новые технические изобретения, с которыми ассоциируется представление о промышленной революции, внедрялись именно в хлопчатобумажной отрасли, это, прежде всего,